

Третья волна: примерка свободы

«Эмиграция, — сказала Марья Васильева Розанова, — капля крови, взятой на анализ». В том числе — и моей. Поэтому я не пытаюсь представить мою оценку Третьей волны бесстрашной и взвешенной. Напротив, мой голос — из гущи событий, не столько свидетеля, сколько заинтересованного участника. Этим объясняется выбор событий и имен, и, что еще важнее, отсутствие многих фамилий и фактов. Уверен, что Третью волну можно было увидеть и можно будет описать и с другим набором героев. Но я могу предложить только одну ее версию — свою.

Время и место

Если две первые волны российской эмиграции явились следствиями Революции и Второй мировой войны, двух исторических катаклизмов, четко зафиксированных во времени, то хронологические рамки Третьей волны можно определить весьма приблизительно. Новая эмиграция из Советского Союза началась в конце 60-х и продолжается по сегодняшний день. Однако феномен собственно Третьей волны укладывается в более точный интервал, который я предлагаю ограничить периодом между 1974 и 1991 годами.

Последнюю дату — 1991-й — диктует провал августовского путча в Москве. Это историческое событие, положившее конец СССР и отменившее цензуру, радикальным образом повлияло и на всю русскую культурную жизнь.

Начальную дату можно связать сразу с двумя вехами. Первая — из области международной политики. В 1974-м году Конгресс США принял поправку Джексона-Вэника, связывавшую свободу эмиграции с режимом наибольшего благоприятствования в торговле. Успех этого закона привел к массовому выезду из СССР. Другое событие того же 1974-го года носило скорее символический характер — высылка на Запад А. Солженицына. Хотя Солженицын практически не принимал участия в жизни Третьей волны, да и не признавал ее, авторитет крупнейшего русского писателя и Нобелевского лауреата придавал вес всей эмигрантской культуре.

Культурный расцвет Третьей волны пришелся на 70—80-е годы и не случайно совпал с самыми тусклыми, закатными или, как их потом назвали, застойными годами советской истории. Никогда еще различия между свободной и подцензурной литературой не были так наглядны. Если блестящая словесность Первой волны развивалась на фоне бесспорных художественных открытий внутри России, то достижения Третьей волны казались особенно яркими по сравнению с унылым культурным ландшафтом позднего СССР.

Эмиграция и метрополия всегда напоминали два соединяющиеся сосуда: чем выше давление в одном из них, тем выше уровень в другом. Когда после хрущевской оттепели и других свобод 60-х жизнь в СССР замерла и усохла, Третья волна предоставила российской культуре убежище и полигон.

Географически эмиграция группировалась в трех центрах. Элита тяготела к Парижу, старой столице российского зарубежья, остальных поделил Израиль и Америка (в первую очередь – Нью-Йорк, но также и Бостон, Лос-Анджелес, Чикаго). Несмотря на очень разные политические, лингвистические и даже климатические условия, культурное пространство русского зарубежья на первых порах представлялось гомогенным. Повсюду, будь то Израиль, Европа, Америка или даже Австралия, Третья волна считала себя наследницей оппозиции и хранителем вольной русской культуры. На деле это означало почти полное отсутствие границ между эмигрантскими центрами. Если не читатели, то писатели чувствовали себя одинаково комфортабельно, печатаясь в парижской «Русской мысли», нью-йоркском «Новом русском слове» или иерусалимском журнале «22». Третья волна жила без оглядки на окружающее, которое, во всяком случае, в начале пути занимало ее меньше, чем оставленная родина.

Этот парадокс, заметно выделяющий выходцев из СССР, объясняется тем, что репрессии брежневского режима насильственно прервали начавшийся в 60-е диалог интеллигенции с властью. В определенном смысле, Третья волна была попыткой договориться на Западе то, что не дали сказать дома.

Журнальная жизнь

Третью волну объединяла безусловная оппозиция к советской власти и разделяло все остальное. Противостояние режиму вовсе не означало единомыслия или даже солидарности. Напротив, продолжая и русскую, и советскую историю на чужой территории, литературная эмиграция привычно группировалась вокруг печатных органов, которые постоянно и горячо полемизировали друг с другом. Следует вспомнить, что многие именитые авторы привезли на Запад опыт ожесточенной журнальной войны. Идеологические распри между либеральным «Новым миром» и реакционным «Октябрем» были еще совсем свежи, поэтому столь естественным казалось образовать свободную литературную жизнь вокруг периодики.

Толстые журналы в отечественной традиции всегда были клубами единомышленников, отчасти заменявшими политические партии. Отсюда – потребность в собственной прессе. Несмотря на то, что в русском зарубежье были свои устоявшиеся журналы, такие, как «Грани» в Германии или «Новый журнал» в США, Третьей волне нужны были свои органы, ибо сотрудничество с Первой и Второй волнами никак не налаживалось. Старую и новую эмиграцию разделяли не политика (в российском зарубежье все были антикоммунистами), а стиль и язык.

Приехав в Америку в 1977-м и сразу поступив на работу в старейшую газету «Новое русское слово», я еще застал «китов» предыдущей эпохи: историка литературы Бориса Филиппова, Глеба Струве, соратника Бердяева философа Левицкого, кри-

тика из среды акмеистов Владимира Вейдле, поэта Ивана Елагина. Ближе всех я знал редактора газеты — Андрея Седых, который сопровождал Бунина, когда тот ездил в Стокгольм за Нобелевской премией. Седых любил вспоминать друзей и знакомых — Мандельштама, Рахманинова, Шагала, Цветаеву. Зато нас он не замечал, считая Третью волну носителем уродливого советского наречия, «исчадием новояза». У Бродского Седых не понимал ни слова, Довлатова называл «вертухаем» (лагерный охранник на блатном аргю), а когда я спросил, нравятся ли ему фильмы Тарковского, ответил, зевая, что после войны в «синема» не ходил. Седых и его соратники верили, что связь между СССР и Россией такая же, как между Турцией и Византией — общая территория, но не культура. Преодолеть стену между эмигрантскими волнами так и не удалось, поэтому Третья волна быстро обзавелась своей печатной базой.

Главным, во всяком случае, наиболее представительным органом эмиграции был основанный Владимиром Максимовым в 1974-м году в Париже журнал «Континент». Журнал стал самым авторитетным изданием как в зарубежье, так и в России, куда он попадал нелегально. Задуманный как коллективный орган всей новой эмиграции, он включил в редколлегию четырех Нобелевских лауреатов и ненадолго объединил всех известных диссидентов и лучших литераторов зарубежья, включая Бродского и Синявского. Синявский же напечатал в первом номере «Континента» программную статью «Литературный процесс в России». В ней он развивал свою излюбленную мысль о преодолении советской словесности с ее бесплодным жизнеподобием, предлагая взамен литературу фантазмагии и гротеска, свою версию, как мы бы теперь сказали, «магического реализма». Борясь за новаторскую литературу, Синявский, по праву считавшийся отцом-основателем новой бесцензурной словесности, в сущности продолжал Набокова, который еще в 30-е годы говорил, что помимо железного занавеса советскую культуру отгородил еще и плюшевый занавес пошлости.

«Континент», однако, развивался в направлении, противоположном тому, что предлагал Синявский. В стилистическом отношении журнал продолжал традиции социального реализма «Нового мира», в политическом — постепенно сдвигался вправо, занимая более авторитарные позиции, близкие скорее Солженицыну, чем Сахарову. Расхождения привели к тому, что уже в 1975-м Синявский вышел из редколлегии. В 1978 году жена Синявского, М. Розанова основала небольшой, но изысканный журнал «Синтаксис», который не только начал печатать Синявского, но и довольно быстро стал полюсом притяжения для либеральной и прозападной эмиграции.*

Раскол между лагерем Синявского и Максимова прошел сквозь всю Третью волну. Однако, партийная полемика, отчасти продолжавшая знаменитый спор западников и славянофилов, никоим образом не исчерпывала богатую журнальную жизнь эмиграции, начавшуюся с середины 70-х. Среди наиболее примечательных органов — журнал экспериментальной словесности «Эхо», выходивший в Париже под редакцией поэта, автора легендарных песен А. Хвостенко и прозаика-авангардиста В. Марамзина, весьма популярный, несколько напоминающий советскую «Юность» ежемесячник «Время и мы», основанный в Израиле В. Перельманом, а также — отколовшийся от него «22», который под руководством А. Воронеля и сегодня является

* Этот абзац был изменен после публикации статьи в журнале «Звезда». — Прим. издателя.

лучшим русскоязычным журналом в этой стране. Дорвавшаяся до печатаного станка, русская интеллигенция торопилась осуществить давнюю мечту о свободе прессы. Поэтому повсюду возникали и быстро исчезали самые разнообразные органы – от эзотерического «Гнозиса» (под редакцией А. Ровнера) до причудливого «Ковчега» (ред. Н. Боков) и хулиганской «Мулеты» (ред. Толстый). Кроме того выходили многочисленные альманахи — «Часть речи», «Руссика», роскошная литературно-художественная антология современного авангардного искусства «Апполон-77» (издатель М. Шемякин).

За исключением субсидированного «Континента» все эти издания были малотиражными и безгонорарными. В условиях немногочисленной и разбросанной по разным странам читательской аудитории эмигрантская периодика могла существовать лишь на грани выживания, да и то недолго. Тем не менее, именно этот вольный форум, кипящий идеями и бурными спорами, послужил примеркой гласности и прологом к публицистическому буму перестройки. Третья волна первой опробовала соблазны и опасности свободы слова, опыт которой оказался судьбоносным для всей русской культуры.

Книги Третьей волны

Культура русской эмиграции преуспела на Западе там, где ей не мешал языковой барьер. Прежде всего — в музыкальных видах искусства. Самыми знаменитыми артистами Третьей волны, бесспорно, стали танцовщик, хореограф Михаил Барышников и виолончелист, дирижер Вашингтонского оркестра Мстислав Ростропович. Вслед за музыкантами шли художники. В Париже, среди многих других, заметного успеха добились Олег Целков и Михаил Шемякин, в Америке — скульптор Эрнст Неизвестный, и с начала 80-х В. Комар и А. Меламид, прославившиеся своей версией пародийного «соцарта». Русский театр за рубежом, несмотря на несколько попыток, оказался нежизнеспособным. Кино — тоже, хотя в Нью-Йорке обосновался тонкий режиссер Борис Фрумин, а в Лос-Анджелесе — звезда советских комедий Савелий Крамаров.

В такой ситуации именно литература стала не только наиболее очевидной сферой приложения сил, не только главным достижением Третьей волны, но и орудием ее самопознания. При этом, если в общественно-политической жизни ведущую роль играли журналы, то в области художественной словесности важнейшей стала издательская деятельность. «Тамиздат», как это называлось в Советском Союзе, принял на себя предельно ответственную задачу — срастить воедино искусственно прерванную историю русской литературы, вернув отечественному читателю изъятые режимом богатства. В какой-то степени этим занимался Самиздат, но его распространителей прежде всего интересовали тексты остро политические, такие как «Архипелаг ГУЛаг». Эстетическая крамола оставалась труднодоступной. Причем, не только в СССР, но и в зарубежье, где вымирали старые эмигрантские издательства. Третья волна создала спрос и оживила интерес к книгам, что, как и в случае с периодикой, привело к расцвету издательского дела.

Исключительную роль тут сыграл «Ардис», основанный еще в 1971 году четой американских славистов Карлом (к несчастью, рано умершим) и Эллендеей Проффер. Страстные энтузиасты, они выдвинули соблазвивших студентов лозунг «Русская литература интереснее секса». Своим патроном Профферы выбрали Набокова, согласившегося переиздать здесь все свои книги. Даже название издательства взято из его романа «Ада». Набоковская эстетика стала вектором, определяющим отбор книг. Каталог Ардиса, составивший в конечном счете более 500 книг, широк, но не всеяден. Издателей интересовала литература, продолжавшая поиски Серебряного века. «Ардис» возвращал в обиход не печатавшиеся в Советском Союзе стихи А. Ахматовой, З. Гиппиус, В. Хлебникова, М. Цветаевой, О. Мандельштама, С. Парнок, прозу В. Ходасевича, Б. Пильняка, А. Соболя, А. Платонова, И. Бабеля, Н. Эрдмана, исследования В. Виноградова, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, мемуары и фотографические альбомы. Впервые тут вышло собрание сочинений Булгакова (предмет научных интересов Э. Проффер). Но по-настоящему важной была публикация современной литературы. В сущности, почти все лучшее из написанного в постоттепельные годы вышло под маркой «Ардиса». С 1977 Профферы публиковали все книги Бродского. Среди других поэтов — А. Цветков, Э. Лимонов, Ю. Кублановский. В прозе — книги В. Аксенова, Ю. Алешковского, С. Довлатова, И. Ефимова, мемуары Л. Копелева, исследование П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека» и множество других предельно актуальных книг, включая ввезенный из СССР литературный альманах «Метрополь» (1979). «Ардис» первым напечатал в полном, а не изуродованном цензурой, объеме крупнейшие романы 70-х — «Пушкинский дом» (1978) А. Битова и «Сандро из Чегема» (1979) Ф. Искандера. Подлинным открытием оказалась «Школа для дураков» (1973) Саши Соколова, совершенно неизвестного автора, дебютные роман которого снискал похвалы Набокова. Попав в Россию, первая книга Соколова заняла в сознании читателей, особенно молодых, то же место, что «Над пропастью во ржи» Сэлинджера в Америке.

«Ардис» был первым, но, конечно, не единственным. Среди других издательств можно назвать старое, базирующееся во Франкфурте «Посев», израильское «Москва-Иерусалим», парижский «Синтаксис», опубликовавший все книги Синявского, старейшей и крупнейший в Европе русский издательский дом УМСА-Press, где печатался Солженицын. В жизни собственно Третьей волны важным был созданный И. Ефимовым в США «Эрмитаж» (1981). Здесь вышли первые сборники стихов второго после Бродского поэта зарубежья Льва Лосева, лучшие книги С. Довлатова «Зона», «Заповедник», проза Л. Штерн, блокадные мемуары Марины Рачко «Через не могу». Здесь же вышла наша с П. Вайлем книга «Современная русская проза» (1982), где впервые была осуществлена попытка осмыслить литературный феномен Третьей волны.

Гамбургский счет

Не сразу замеченная драма эмигрантской словесности заключалась в том, что лучшие книги ее лучших писателей были написаны до эмиграции их авторов. Почти все шедевры новой словесности создавались на родине, хотя и были напечатаны за ее

пределами. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича, «Верный Руслан» Г. Владимова, «Николай Николаевич» и «Маскировка» Ю. Алешковского, «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя» А. Синявского, рассказы В. Марамзина, Ю. Мамлеева, «Ожог» В. Аксенова, «Зияющие высоты» А. Зиновьева. Многие писатели, такие как В. Аксенов или А. Гладиллин, попали в эмиграцию в ореоле своей юношеской славы, некоторых, как Сашу Соколова, признание настигло за границей. Важно, однако, что их решающие сочинения писались еще дома. В эмиграции все упомянутые авторы продолжали активно и плодотворно работать, но, как правило, их написанные на Западе книги уступают прежним. Второй том «Чонкина» хуже первого, «Между собакой и волком» и «Палисандрия» не превзошли «Школы для дураков», многочисленные романы Алешковского мало что прибавили к успеху его первых повестей. То же можно сказать и о книгах Зиновьева, Гладиллина или В. Максимова. Для большей части писателей Третьей волны сама эмиграция не стала темой. За границей они продолжали начатое, отчего их новые книги теряли художественный напор, образную яркость, демонстрировали усталость языка и стиля.

Два главных исключения — Солженицын и Бродский — решили эту проблему диаметрально противоположным образом. Первый отказался считать себя эмигрантом, второй осмыслил свою позицию как метафизический вызов. Солженицын все свои западные годы провел в добровольном затворничестве, Бродский стал космополитом. Важно, однако, что обоих писателей (по разным причинам) нельзя причислить к культуре Третьей волны. Солженицын ее принципиально не признавал, хотя выказывал уважение к израильской эмиграции из СССР. Бродский, напротив, был чрезвычайно отзывчив, охотно помогал другим писателям, участвовал в эмигрантских изданиях, выступал с чтениями. И все же статус мирового поэта, который, к тому же писал прозу по-английски, ставил его на особицу. Попросту говоря, Солженицын и Бродский были шире и глубже Третьей волны, поэтому и отношение к ней имеют лишь косвенное.

Собственно эмигрантская — не только написанная, но и зачатая за рубежом — литература Третьей волны не так уж обильна. Среди ее наиболее заметных книг — американские опусы В. Аксенова «Остров Крым», «Скажи изюм», «В поисках грустного бэби», сборники стихов Льва Лосева «Тайные советник» и «Чудесный десант», антиутопия В. Войновича «Москва 2042», скандально знаменитый роман Э. Лимонова «Это я, Эдичка», проза начинавших в Израиле Ю. Милославского (роман «Укрепленные города») и М. Федотова, фантазмагорические романы «Крошка Цорес» и «Спокойной ночи» А. Синявского, детективы Ф. Незнанского и Э. Тополя, а также весьма популярные книги Л. Штерн, Э. Севелы, А. Львова и др. Богатый вклад в литературу Третьей волны внес жанр «нон-фикшн». В первую очередь — эссеистика и литературоведение того же Синявского («Иван-дурак»), путевые очерки В. Некрасова («Записки зеваки»), острые философские очерки и фельетоны Б. Парамонова, беседы «русского Эккермана» С. Волкова, выпустившего, среди прочих, важную книгу «Разговоры с Бродским».

В этом перечне нельзя не упомянуть и наше с П. Вайлем сочинение «Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета». Дело в том, что целью этой написан-

ной в самом начале 80-х книги была фиксация самоощущения третьей волны, что и делает эту работу документом своей эпохи. Именно поэтому я позволю себе привести цитату из более позднего авторского предисловия к нашей книге. «Уникальность Третьей волны была в том, что мы несли с собой огромный советский опыт, незнакомый, по сути, первым двум волнам. Выходцы из застоя, мы прибыли в Америку полномочными представителями советской цивилизации в ее характерном и концентрированном проявлении. Именно это обстоятельство и задержало наше открытие Америки, которую мы привезли с собой. Третья волна в отличие от Первой и Второй пересекала океан с надеждой найти в Новом Свете исправленный вариант Старого. Наша мечта строилась от противного: там бедность — здесь богатство, там рабство — здесь свобода, там низ — здесь верх. Мы хотели найти в Америке свой идеал. Так и получилось, что ехали мы в одну страну, а приехали в другую, невольно повторив ошибку Колумба, который попал в Америку в поисках Индии».

Новый американец

Список литературных достижений эмиграции можно продолжить, но другие имена и дополнительные названия не изменят одного бесспорного на мой взгляд факта. Наиболее характерным, представительным, так сказать, адекватным писателем Третьей волны был Сергей Довлатов.

В отличие от большинства других эмигрантских авторов, Довлатов в Советском Союзе практически не печатался. Если светила Третьей волны — Синявский, Аксенов, Войнович, Владимов, обладали и литературной и диссидентской славой еще до эмиграции, Довлатов начинал практически с нуля. Хотя его приезду предшествовали несколько очень успешных публикаций в зарубежной периодике, читатель не очень понимал, чего ждать от этого автора. Тем удивительней, как стремительно разворачивался роман Довлатова с Третьей волной. Он оказался соразмерен своей аудитории. Казалось, что Довлатов работал с теми же темами, что и другие авторы — кошмары лагерей, цензурные преследования, лицемерие режима, богема, двоемыслие интеллигенции, пьянство, разврат и прочие безобразия советской жизни. Однако, читатели, даже раньше критиков, сразу почувствовали новизну довлатовского стиля и обаяние его мировоззрения. Довлатов никого не учил, он ставил себя скорее ниже, а не выше читателя. Его юмор был скрытым, мастерство — тайным, эффект незабываемым. Бродский как-то сказал, что прочел каждую книгу Довлатова, не вставая с кресла. При этом, Довлатов писал демонстративно просто, избегая и приемов психологической прозы, и модной в его среде авангардной техники.

Многое в триумфе довлатовской прозы объясняет его жизненная философия, вернее — ее отсутствие. Он описывал жизнь вне догмы, отказываясь заменить «плохие» идеи хорошими, правильными. Довлатов был внеидеологическим писателем, ибо не верил в способность общих мыслей формировать индивидуальность. Его интересовали исключения, потому что он не признавал правил и считал эксцентричность залогом подлинности.

Набор этих качеств был необычным для литературы Третьей волны, которая, в сущности, продолжала эстетику шестидесятников. Довлатов из нее выпадал, откры-

вая новые возможности для русской прозы. Он нравился всем и до сих пор остается самым популярным автором, появившимся в эмиграции.

Писательское кредо Довлатова, в сущности, не менялось в Америке. Но если в старых книгах («Зона», «Компромисс», «Заповедник») материал был советским, то в новые («Иностранка», «Филиал») попадала эмигрантская жизнь, описанная безжалостно и смешно. Автор отнюдь не льстил читателю, но никто не обижался, потому что Довлатов предлагал доверительный и увлекательный способ общения с читателем. В его книгах Третья волна нашла свой язык, который, попав со временем в Россию, оказал сильное влияние на стиль отечественной словесности вообще и прессы в особенности.

Дело в том, что, расставшись с советским официозом, Третья волна осталась без языка дружеского, приватного, но не фамильярного общения. Довлатов предлагал «средний стиль», лавирующий между напыщенным и приклатненным наречиями. Это был язык той средней советской интеллигенции, которую Солженицын назвал «образованщиной», и которая составляла наиболее заметный культурный слой Третьей волны.

Ее печатным органом стала выходящая в Нью-Йорке газета «Новый американец». Если душой этой газеты был Довлатов, то мы с П. Вайлем — руками, а в определенном смысле — и головой. Очень быстро (1980) «Новый американец» собрал яркий круг авторов, и, что еще важнее, сформировал читательскую среду, сумевшую оценить новаторство газеты. Первое издание именно и собственно Третьей волны, «Новый американец» обращался к своей аудитории, вовлекая ее в общение. Хотя экономические трудности и коммерческая неопытность привели газету к краху, опыт создания свободной общественной жизни оказался заразительным, и вскоре пресса Третьей волны стала более богатой и разнообразной. Но успеха «Нового американца», оставшегося легендой Третьей волны, никто уже не смог повторить.

Перестройка

К началу перестройки (1986) жизнь Третьей волны более или менее устоялась. Это не значит, что процесс адаптации завершился. Выходцы из Советского Союза по-прежнему ощущали свою самобытность и сохраняли культурную идентичность. Найдя компромисс между окружающей средой и родными привычками, эмиграция построила себе вполне комфортабельный образ жизни — без оглядки на метрополию. Тем сильнее оказался шок перестройки. Сперва с глубоким недоверием, потом — с нарастающим энтузиазмом Третья волна следила за переменами в СССР, жадно поглощая прессу гласности. Не то чтобы эмигранты могли узнать из советских газет что-то принципиально новое: преступления режима давно уже были разоблачены в зарубежной периодике. Волновала не сама информация, а факт ее появления в советских органах. За эскалацией свободы Третья волна следила со спортивным азартом, ожидая судьбоносных перемен от каждой новой публикации запрещенных ранее произведений. Бродский, например, говорил, что если напечатают «Котлован» Платонова, жизнь в стране навсегда станет другой.

В самом конце 80-х, вихрь гласности захватил Третью волну. За каждую публикацию эмигрантского автора шла отдельная борьба с цензурой, но, в конце концов, напечатали всех. Возвращение в русскую литературу ее изгнанной части происходило с комической поспешностью и беспорядком. Среди органов, в которых я тогда печатался, значилась газета «Советский цирк», где публиковались и эссе Синявского. Журнал «Литературная учеба» (sic!) выпустил номер с новым переводом Евангелия работы С. Аверинцева. Приехав в 1990-м году в Москву, я сам видел очередь к прилавку, где на открытом воздухе стояла быстро уменьшавшаяся стопка из экземпляров «Самосознания» Бердяева. В последние месяцы советской власти застарелый печатный голод удовлетворяли бешеные тиражи. Достаточно сказать, что в 1991-м году журнал «Новый мир» с Солженицыным печатал 2,7 миллиона экземпляров. (Для сравнения сейчас тираж «Нового мира» менее 7000).

Оргия публикаций обрушилась на Третью волну и смяла ее. В одночасье исчез сам смысл существования эмигрантской культуры, которая считала себя резервуаром бесцензурной словесности и альтернативой несвободной литературе. Выход из тесного эмигрантского гетто к многомиллионной аудитории соотечественников ошеломил всех авторов. Пришла пора возвращения, о которой все мечтали, но которую никто, кроме Солженицына, не ждал. Собственно, только он и вернулся. Другие либо не добрались до дома, как Бродский и Довлатов, либо, как Аксенов и Войнович, остановились на полпути, деля жизнь между Востоком и Западом. Но где бы ни жили авторы Третьей волны, книги они печатали там, где обитала основная масса их читателей — в России. Два русла отечественной словесности соединились — быстро, эффективно, но отнюдь не безболезненно.

Чтобы понять травму Третьей волны, ее удобно сопоставить с историей антифашистской немецкой эмиграции в Америке. Схожий период времени (около 15 лет), схожие отношения между эмиграцией и метрополией, схожие итоги. У немцев, правда, было преимущество — в Америку они приезжали посланцами культуры, которую не без основания считали тогда самой высокой в мире. Брехт, Фейхтвангер, Верфель, Стефан Цвейг, Генрих, но главное — Томас Манн привыкли к тому, чтобы их любили. До того, как нацисты запретили «Буденброков», роман выдержал больше 100 изданий. Поэтому Томас Манн мог сказать «Где я, там Германия». (Впрочем, то же могли сказать и Бродский, и Солженицын). В Новом Свете все быстро кончилось, хотя Америка не мешала им писать. Среди сотни книг, выпущенных эмигрантами в годы фашизма, — «Иосиф и его братья» Манна, «Смерть Вергилия» Броча, брехтовский «Галилей». Но даже те, кому Америка ни в чем не отказывала, не могли с ней ужиться.

Америка, о чем ясно написано на цоколе статуи Свободы, привыкла видеть в эмигрантах неудачников, а не элиту Старого Света. Второй шанс она обещала тем, у кого не было и первого. В эпоху фашизма Америка спасала жизнь эмигрантов за счет их статуса. Понятно, что в Америке бежавшим от нацистов авторам не хватало внимающих и понимающих поклонников. Хуже, что они исчезли и дома. Когда кошмар фашизма кончился, выяснилось, что эмиграция словно состарила живших в изгнании писателей сразу на поколение, превратив из современников в классиков. Их язык стал казаться сухим и сложным, трезвым и холодным, ироничным и чужим.

К тому же, за годы разлуки германская словесность заговорила на своем и тоже хорошем языке. После войны немцы понимали Генриха Белля лучше, чем Томаса Манна. Поэтому самый знаменитый, но отнюдь не самый любимый писатель Германии скончался на «ничьей» земле — в Цюрихе.

Солженицын, правда, умер дома, обласканный властью, но в целом аналогия с Третьей волной кажется настораживающей. Когда улеглась поднятая историей печатная буря, кумирами свободного поколения стали не вернувшиеся Солженицын и Аксенов, а никуда не уезжавшие Пелевин и Сорокин.

Послесловие: прилив и волны

Все 90-е годы устанавливались отношения между Третьей волной и Россией. В этом процессе были свои вершины, например, эпическое возвращение (1994) Солженицына в Москву через Восток, были и свои кризисы, вроде спада читательского интереса к тому же Солженицыну. Понемногу, однако, интерес к эмиграции угасал, ибо изменялась вся культурная среда. Катастрофически упали тиражи толстых журналов, которые теперь исчисляются лишь несколькими тысячами экземпляров. Могущественные в перестройку органы, вроде «Нового мира» или «Знамени», которые, в сущности, дирижировали републикацией эмигрантской словесности, выполнили свою задачу и отошли в сторону. Они были вынуждены передать эти функции книжным издательствам, освоившим, наконец, нормальный рабочий ритм. Не зря считают, что первый, если не единственный действующий в новой России рынок был книжным. Характерно, что самый популярный автор поколения, Виктор Пелевин, начавший публикациями в «Знамени», вскоре вообще отказался от сотрудничества с периодикой. Сорокин там никогда и не был.

От того, что бывшие властители умов — толстые журналы — оказались на обочине литературного процесса, радикально изменилась вся структура культурного пространства. Отчасти оно утратило свою русскую специфичность, обусловленную вековой борьбой с цензурой. Публицистика, пережившая свой предсмертный взлет в эпоху гласности, ушла с поверхности жизни. Почти исчез традиционно важный институт влиятельных критиков. Да и сама литература утратила свою роль и значение.

На рубеже веков за этими внутренними переменами последовала смена власти и политического курса. Нулевые годы стали путинской эпохой с ее более авторитарной во всех отношениях системой. Окрепшая центральная власть ограничила свободы в той области, где они были для нее особенно опасны — в политике и средствах массовой информации, прежде всего на телевидении. Цензура, однако, не вернулась в сферу художественной литературы, а главное — свободным остался Интернет, ставший любимой медией XXI-го века.

В нулевые годы установилось динамическое равновесие между эмиграцией и метрополией. Давление в России было недостаточным, чтобы вновь выдавить культуру за границу, но она все равно там оказалась. История российской политической эмиграции завершилась. Но вместо регулярных, четко отмеренных вехами волн начался постоянный прилив, выносящий за границу людей русской культуры. В пер-

вую очередь это связано с тем, что распад Советского Союза привел к возникновению русских меньшинств в ближнем Зарубежье, которым теперь называют бывшие республики СССР. Однако, и в других странах Европы и Америки заметно постоянное присутствие русскоязычной жизни.

Вопрос в том, приведет ли эта ситуация к возникновению культурно независимой диаспоры, способной поддерживать собственный литературный процесс и создавать художественно значимые произведения?

Чтобы оценить перспективы такого развития, можно вспомнить опыт Британской империи. Как известно, распад ее привел к возникновению целого архипелага англоязычной литературы. Из географически отдаленных осколков прежней державы вышли такие ярчайшие писатели, как нобелевские лауреаты Д. Уолкот, В. Шойинка, В. Найпол, а также С. Рушди и многие другие. Диалог краин между собой и с метрополией привел к расцвету региональную англоязычную литературу.

Этот пример, как мне кажется, позволяет с надеждой смотреть на перспективы новейшей русской культуры за рубежом. Сейчас она находится в зачаточном состоянии. И тем не менее обнадеживает то обстоятельство, что у Третьей волны неожиданно появились наследники. Эмиграция знает волны, но не поколения, потому что обычно дети приехавших растворяются в культуре той стране, где они выросли. На этот раз положение несколько иное. Принципиально двуязычная молодежь, явившаяся на арену зарубежной культуры, уже в XXI-м веке, не желает обрывать свои русские корни. Так, в Нью-Йорке сегодня функционируют сразу несколько кружков поэтов, прозаиков и кинематографистов, которые выпускают журналы («Новая кожа», «Стороны света»), регулярно устраивают чтения, и — даже — проводят кинофестивали. Не умерла и старая периодика. По-прежнему выходит русские газеты, журналы, работают эмигрантское радио и телевидение. Появился сложный медиапроект «СНОБ», рассчитывающий объединить международную русскоговорящую элиту. И, конечно, решающую роль в создании нового культурного пространства играет Интернет с его чрезвычайно активной русской блогосферой и стремительно развивающимися прочими средствами электронного общения и творчества.

Никто не может заглянуть в будущее, но размышляя о нем, я хочу закончить этот очерк Третьей волны уместным, по-моему, высказыванием русского философа и эмигранта Георгия Федотова. В 1949-м году он писал: «Мы привыкли думать, что национальная культура нуждается в государственной охране, как черепаха в панцире. Между тем, история совсем не подтверждает предполагаемого совпадения государства и национальной культуры. Очень часто культурное единство вовсе не вмещается в рамки общей государственности».

Сегодня в самом начале второго десятилетия XXI-го века нельзя предвидеть, какую форму обретет русская культура нынешнего поколения. Но слова Федотова, которые были так созвучны Третьей волне и ее опыту, могут вновь оказаться путеводными.

Нью-Йорк
Лекция прочитанная в феврале 2010 года
в Токийском университете иностранных языков